

Засл. арт. В. А. Хенкин в водевиле
„Муж всех жен“

ных, — в их сердцах пробуждаются чувства, и великодушный автор, мило подшутив над ними, разрешает им любить друг друга, благо научная командировка выполнена успешно. Помимо основных героев, с их «волнующим» и «новым» конфликтом, в пьесе существуют подробности (составляющие три акта). Не будем детально рассказывать об остальных персонажах пьесы, в частности — о подруге Ольги Лизе, уже с первого акта вкусившей счастливую любовь, но попавшую в незавидную переделку, так как ее муж Володя — милый молодой человек — оказался слишком занят во время «опасного квартала» (на этот раз производственно опасного: в том предприятии, где работал Володя, были прорывы, и ему пришлось забыть свою личную жизнь).

Было бы шарлатанством говорить об актерских образах, потому что никаких образов у драматурга вовсе нет. В каком кривом зеркале увидел он эти нелепые фигуры, серьезно выдавая их за наших современников, где подслушал он все эти нелепые разговоры, которые ведутся на протяжении трех актов, — мы не знаем, да и знать не хотим! Но почему театр Сатиры показывает эту пьесу, неужели он не понимает... Но ни к чему патетические восклицания: он все понимает и без наших объяснений. Во-первых — репертуарный голод; слишком редко обращают наши драматурги свои взоры в сторону комедии. Во-вторых, у театра Сатиры был «рецепт» спасения пьесы. Сочинили куплеты, написали музыку и превратили комедию в оперетту (в программе названную комедией-водевилем). Не слишком, правда, утомлялись в работе над спектаклем, спасти его не спасли, но все-таки смотреть можно, да и что можно требовать от оперетты!

Вторая пьеса — «Азорские острова» — не может идти ни в какое сравнение с первой, — да простит нас М. Левилов, что мы по техническим причинам вынуждены были поставить его пьесу рядом с «Опасным кварталом».

«Азорские острова» — тоже далеко не шедевр. Статистический обстрел нашей действительности идет по боковой линии. Снова (в какой уже раз!) в центре событий поставлен старый интеллигент, разновидность

героев Олеси, ошибочно вззирающий на окружающих его людей. Снова фигурируют ситуации коммунальной квартиры, и опять «положительный» персонаж выступает в роли начетчика мирового судьи Соломона Мудрого, с завидной легкостью разрешающего все конфликты. И все же в этой пьесе есть то, чего нет в «Опасном квартале», — мысль и любовное отношение к своим героям.

Спектакль в театре Сатиры — выше пьесы, особенно первый акт, но, подняв пьесу, театр не сделал всего того, что он мог сделать, он остановился на полпути в нерешительности, сатирическая острота спектакля явно недостаточна.

Лишь один актер — исполнитель главной роли Давидсон — удовлетворяет всем тем высоким требованиям, которые можно предъявить театру Сатиры. Кто-то из московских критиков обмолвился, что Канцель «успешно справился с ролью». Актер, конечно, заслужил гораздо большего, чем такая стандартная похвала. Давидсон мечтатель и дон-Кихот. думающий сразу уничтожить все несправедливости жизни, Давидсон, выступающий в роли защитника обиженных и угнетенных, неумело воюющий с пошлостью обывательского быта, панически все преувеличивающий, в своем искреннем негодовании смешавший врагов и друзей, в своем горячем желании улучшить жизнь бесконечно запутавшийся. — у Канцеля вырастает в большой типичский образ.

Канцель не шадит сатирических красок, зритель видит, что этот «спаситель страждущего человечества» вовсе не герой. Актер иронизирует и над философией Давидсона (которую сам автор временами склонен воспринимать всерьез) и над его жизненными привычками. Однако Канцель вовсе не разоблачает Давидсона в манере плохого плаката. Его Давидсон трогательно смешон, лирически обаятелен — он романтик и энтузиаст, он принадлежит к той породе людей, которые не обрастают жирком, не самоуспокаиваются, а всегда мучительно ищут, стремятся двигаться вперед. И не над этими поисками лучшей жизни, не над борьбой за нее иронизирует актер, — нет, он высмеивает лишь методы и приемы индивидуалиста, который противопоставляет себя всем. Нам думается, что работа Канцеля весьма интересна и в плане технологическом, — это настоящее мастерство сатирического актера.

Среди других актеров театра Сатиры хотелось бы особо поговорить о К. Пугачевой. Ленинградцы помнят эту актрису по тем пленительным образам, которые она создала в нашем ТЮЗе. Еще сейчас в театральных кулуарах дискутируют, правильно ли поступила Пугачева, уйдя из ТЮЗа.

При всем нашем хорошем отношении к ТЮЗу мы должны признать, что Пугачева сделала верный шаг.

Пусть роли, созданные сейчас ею в театре Сатиры, еще ниже того, что она показала в ТЮЗе, но мы глубоко убеждены (посмотрев ее сейчас на гастролях), что эта талантливая, яркая и своеобразная актриса, никогда не идущая протоптанными путями, значительно расширит во взрослом театре свой актерский диапазон.

Сейчас из всего показанного актрисой на гастролях наиболее интересна роль Клавь в «Азорских островах». Пугачева счастливо избежала построения образа обывательницы. Ее Клава — увлекающаяся, непосредственная, несколько малокультурная девушка, однако она настоящий по существу советский человек, она обаятельна, и только близорукий Давидсон мог разглядеть в ней врага.

Отсутствие места лишает нас возможности говорить о других актерах театра Сатиры, которые бесспорно заслуживают самой внимательной оценки.

Из четырех спектаклей, показанных театром Сатиры на гастролях (мы не видели «Дон-Жуана»), только вечер водевилей полностью оправдывает то высокое название, которое носит театр.